

Коновалова (Безугла) Тетяна Іванівна

-

Інтерв'ю м. Шостка 11 липня 2013 р.

Інтерв'юєр: Тетяна Пастушенко

Оператор: Микола Пармонов

Присутні: Олександра Плодиста

–Расскажите пожалуйста о себе.

– Я родилась в селе Маково в Шосткинском районе. Мы жили там до 40-ого года. И там, на станции Маково, были наши два дома построены, а то были железнодорожные квартиры. Когда родители мои строили, еще колхоза не было. А уже когда они поженились, была земля у родителей моих, там построили дом и жили. Когда стала коллективизация, эта земля отошла под Гамалеевку. А мы сами Маковские. И Гамалеевка нам сказала убирать эти дома, потому что это их земля. Ну а отец работал на железной дороге. Он же не колхозник, а рабочий. И он мог куда хочешь идти: хоч – у Маково, хоч - у Гамалеевку. Он пошел на поселок сюда, взял участок, и мы

переехали в 40-м году, построили дом на улице Коцюбинская. И там я вже росла. Нас было в семье четверо детей. Я, сестра и два брата. В 41-м году началась война, а у нас еще было не достроено, как следует. Перед войной мне было уже 16 лет. Хотела устроиться на завод сюда, а тут война вже началась. Отца, как немцы пришли, забрали в Германию. Осталась мама, я, сестра меньшая, брату было только два года. Сначала немцы ходили, заставляли на дороге работать, а потом меня забрали в Германию. Повезли, доехали мы до Магдебурга, там нас остановили, в бараки забрали, на какого-то хозяина работать послали, мы картошку копали. А потом уже начали забирать на заводы. Забрали в Зальцведель меня на военный завод. Не одну меня, нас там целый эшелон был. Немцы еще воевали, так как-то было легче. А потом нас перевезли с того лагеря аж у Бад-Лаутерберг. Там такое гористое место, такие деревья, как у нас липа, только там росли орехи. Мы бегали их собирать, есть нечего было. Плохо нас кормили в Германии. Работать заставляли, работали по 12 часов. Шагали, как конница по шоссе, в пантуфлях, деревянная подошва. Были немцы и хорошие, которые говорили, шо скоро домой поедем, а были те, которые ненавидели нас. Такая у нас немка была одна вредная, шо ее все боялись – и немцы, и мы. А одна была така немка, шо всегда принесет на работу мне хоть кусочок бутербродика и говорит «возьми». А мы ж ничего не знали, война идет, а у нас ни радио, ничего нет. А когда уже они стали отступать, немка приходит и говорит: «Таня, ты вже скоро домой поедешь». А разговаривали мы, потому шо я в школе учила немецкий язык. И так уже - слово по-немецки, слово по-своему. За три года, которые я там была, мы приучились понимать уже больше немецкого, и они понимали уже шо-то. С Германии приехала – устроиться некуда. Презирали меня, шо была в Германии. На работу не брали. Пошла учиться парикмахером. Выучилась на мужского мастера. Работала парикмахером. Когда уже был Брежнев, разрешили принимать в завод тех, шо были в Германии. А потом работала в заводе в 70-м году. Потом пошла на пенсию. Здоровье потеряла, ноги сильно болят. Може, ноги болят, бо там ходили в деревянных по асфальту, как кони.

- А как сложилась судьба у Вашей семьи?

- Когда война кончилась, отец прийшов з Германии, слава богу. Но он в 47-ом году умер. Брат, который родился в 41-ом году, заболел и умер давно. Еще моя сестра живая, которая с 27-ого года. И брат с 37-ого года живой. Но брат сейчас слепой. Дом наш целый остался. А в Макове, где наш дом был, упала бомба. А здесь дом целый, хотя тут тоже были бомбы. Не глубинные, а шрапнельные. Ворота побили. А сестра с меньшим братом сидели за бочкою с водой, а на ней корыто. Так корыто бомба пробила, а бочку нет, вот они живые остались. На фронте у меня погибли дяди. Мама моя дожила до 96 лет. А мне сейчас 88.

- Так Вы приехали в Шостку и жили в родительском доме?

- Да. И тогда ж я приехала з Германии – сначала не брали никуда, так пошла дежурным комендантом, а потом уже устроилась у парикмахерську. Тогда и познакомилась с мужем.

- Как *Вы* в школе учились? Здесь была школа?

- Сначала училась у Макове, там кончила 7 классов. А сюда приехали мы поздно, так я пошла сюда только в 4-ую школу у 8-ой класс. В 41-ом. Но я его не кончила.

- *То есть, у Вас документ, что вы 7 классов закончили?*

- Да. Больше я вже ж не вчилась – война була, а после войны уже какая учеба, когда ни хлеба, ничего, только карточки давали.

- *А как Вы узнали, что началась война?*

- Мы ж тогда на станции жили. У нас была корова, и мы пошли на базар. И в городе люди объявили, что война. И тогда ж уже бежали. Ой, а как зашли немцы сюда, как мы ходили за спиртом, шоб жить еще на чем-то. Мы боялися. Мамка моя трусиха была. И я боялась. Так подруга соседская говорит: «Пошли за спиртом». Так один раз принесла спирт.

- *Вы на Девятку ходили?*

- Да. На проходной там оно було. С перепугу помню, как сейчас. Я зашла, а там его столько было много, шо мы босиком, а там кран... и там уже бежал он **18:48**. Это еще как було безвластие. Шо эти въехали все, а немцы – главари – еще ниче не хватили. Кто такой бедовый и прошнырый - и материалу набрали, и продуктов. А хто боялся – тот сидел, голодовал.

- *А папу Вашего в армию не призвали?*

- Нет, потому шо он такой больной, шо его в армию не взяли, а немцы его узяли туда. И я еще когда была в Зальцведеде, имела с ним переписку. И я начала просить у немцев, шоб отпустили нас поехать до отца. Слава богу, був там еще такой сознательный человек, шо он «нет». У меня была подружка Катя. И мы тогда были, как сестры. Я сказала, шо это кузина и шо мы поедем до отца. Так нам дали паёк. И хлеба, и маргарина, и мармелада кусочки дали. Сколько я была у лагере – нам такого не давали. Когда мы в Германии были, была своя одежда и там нашито «OST». Мы идем - и уже видят, шо ОСТовцы йдут. Мы ж ехали в поезде, приехали туда – я отца увидела. У отца мы побыли неделю. У отца было лучше. Знаете, как в колхозе – где какой руководитель попадет. Есть заботливые, а есть «только для себя». Так и там немцы. Мы побыли неделю. Нам дали комнатку. И кормить тоже давали нам. Давали по тарелке супу. Утром кохве заварене без сахара. Нам хлеб давали. На день дадут кусочок. Сначала давали по буханке, а в другом лагере уже по кусочкам. И когда мы ехали обратно в лагерь, моей подруге стало плохо. Ну, немцы обратились по-человечески. Нам хлеба дают. Я говорю: «Мы не голодные». Нам же тоже стыдно, шо это не от голода, а ей плохо чего-то стало. На сердце чего-то. И таблетку дали, и попить. В общем, там тоже были и люди, и нелюди.

- *Как вы жили, когда немцы пришли? Пока папу не забрали, он где-то работал?*

- Он работал на заводууправлении. Мы имели огород, сеяли, корова была, куры.

- *То есть, вы со своего хозяйства жили?*

- Да, ну и отец еще работал.

- *Ну а когда немцы пришли, отец тоже работал?*

- В 42-ом его сразу забрали. В 41-ом он не работал. У нас участок был на огороде, мы там и работали. Мама плугом, когда отца уже забрали. Мы картошку, буряк, капусту садили. Еще яблони, вишни были. И кусты. В лес ходили за грибами, за ягодами. Мама корову доила. Масло делали. Спирт ходили выменивать на проходную. Бывало, шо свои полицаи по дороге забирали еду и спирт. Тогда еще говорили, шо немцы неаккуратные. Раньше мы скромные были, все стеснялись. А немцы не стеснялись.

- *А как Вам сказали, что надо ехать в Германию?*

- Носили повестки. Повестку приносят на комиссию. И пишут: «На 9 часов идти на комиссию». Возьму эту повестку, иду к 9 часам, до дверей дойду – меня в туалет тянет. В общем, я часа в 3 или 4 только дошла до дверей. Я сказала, шо у меня у боку болить. Сначала меня отстранили. Знов прошло немного времени – опять повестку несут. Я вже в конце 42-ого года поехала.

- *А кто еще из Ваших знакомых поехал?*

- Мои подружки с улицы постарше были, их раньше позабирали. Их забрали на такой завод, шо теперь немцы оттуда приезжают и дают по тысячи евро тем, кто там был. А у меня были только из Гамалеевки – Лида, и из Локоток девочки. И парни были, но я их не знала.

- *А как Вы собирались? Мама Вас собрала в дорогу? Было ли что взять?*

- Мы ж жили не на поле, а дома. От хорошего нема, так какое есть я ж могла взять. Подушку, одеяло. Правда, нам этого не надо было. Шо було – то и собрали. И обуться собрали мне. И поесть взяли.

- *А откуда Вас отправляли?*

- Из Шостки. В Шостку из сёл ехали, грузили и везли. В Конотопе остановка была. Говорили, шо кормить нас не будут, шоб мы брали шо-то есть.

- *Вам холодно было, когда ехали?*

- В октябре мы ехали. Еще снегу не было. Пиджак у меня был, жакеты какие-то и сапоги. Но сапоги я не одевала, у них подошва отпала. Я в пантуфлях ходила.

- *Вас по дороге кормили?*

- Нет.

- *А в вагоне на чем сидели?*

- Товарные вагоны. Мы там сидели на чемоданах, притулившись один одного. У меня был чемодан деревянный, самодельный.

- А какие станции помните?

- Може я й знала сначала, сейчас не помню. Помнила хорошо, куда мы до отца ездили. Чи Бюккебург...

- Он рядом был, получается? Вы недолго ехали к отцу?

- Я вже не помню. Это ж было в 45-ом.

- Татьяна Ивановна, а где Вы жили, когда попали на завод военный? Какой у вас был лагерь?

- Постройка – коридор посредине, сюда двери, туда двери, а в них комнаты. Такой барак был. И в этой комнате нас было 12 человек. Попали все хорошие. Койки были двойные, деревянные. Стол, окошко было. Шторку повесили. И столик застилали скатерочкой. Кровати застеляли, потому шо у нас соломенные матрасы были. Дали нам простыни, одеяла и подушки. Давали нам пайки. Я ходила паёк всегда получать – кохве и хлеб. Давали горбушку и полосками так. А суп у столовой наливали. Но там из капусты вылезали зеленые черви. Сначала как мы приехали – мы этого не ели, потому шо свое шо-то було. А то противно. А как нечего есть – выкинешь, как муху, из тарелки и ешь суп. А в воскресенье хуже было. В обед ничего не давали. Давали в мундирах картошку, она такая небольшая была. Почистишь, а она порченная, и выбросишь. Давали еще в кружечку подливу. А летом мы щавель рвали. В выходной пускали нас в город ходить летом. Мы в город не идем, потому шо купить ничего мы не можем. Нам деньги платили, немецкие марки давали. Можно только було купить повидло. А так, летом мы ходили на дороги. Там все дороги обсажены фруктовыми деревьями. Яблок нарвешь – наешься. Только ж надо ходить так, шоб не опоздать. Щавель рвали, да ели. Було всяке. И наплачемся, и напоём, и насмеёмся.

- Вы письма могли домой писать?

- Ну, я с папой немного переписывалась, а тогда вже не.

- А ужин у Вас был? Суп на заводе давали, а когда в лагерь возвращались, что-то давали?

- Ой, я вже забула.

- А как день складывался? Вы вставали рано? Во сколько?

- Вставали с солнышком. Мы работали по 12 часов. Когда еще в Зальцведеде были, слесарь был и говорил: «Ты не можешь прийти до нас убирать?» Адрес дав. Я еще бегала убирать. У него двое детей было. Полы натирала им в комнатах. Есть давали. А у нас в лагере кухня. Не на заводе, а в лагере.

- Это в Зальцведеде или другом лагере?

- В Зальцведеде нас было не очень много. Он маленький был. И там нам було хорошо. А вже когда перевели нас в Бад-Лаутерберг, то там как только начинается тревога, нас загоняють под гору, а сами немцы на гору лезут. Потому шо там недалёко озеро, и они боялися, шо если

дамбу разобьют, то затопит город. Город сам внизу, а озеро наверху. Если разбили б, то немцы были бы живые, а мы б подошли.

- *А в лагере только вы были или и других национальностей?*

- И поляки были – все были. Большой лагерь был.

- *Вы были вместе все или нет?*

- Они отдельно были. Их поделили, наверно. Я ж по лагерю не ходила.

- *А там были и мужчины, и женщины? Все вместе?*

- Вы знаете, у нас было только женщины. Но они где-то находили и мужчин. Я была девчонкой. Я не ходила гулять. Но приезжали и беременные, и богатые. А с кем они были... У нас там была одна пожилая женщина, такая тихая и спокойная. И я с нею была. В этом Бад-Лаутерберге мы уже и по яблоки не ходили. Потому что уже немцы отступали. Вонь была злые такие, пришли хотели нас поубивать что-то, не знаю. Нас сначала выгнали с барака. А тогда приехали на мотоцикле, поговорили, сели и уехали. Мы постояли и ушли назад. А как они стали отступать, нас американцы освободили. Тогда мы уже ходили работать. Пуговички собирали, убирали в здании.

- *А жили в этом же лагере?*

- Мы там жили, а потом нас погрузили на машины и везли. Шофером был негр. Везли нас до Магдебурга. Или в Берлин. Не знаю, куда. Прошли мы там медкомиссию. Всех проверяли и домой послали.

- *А в комнате, где было 12 человек, все с Шостки были?*

- И киевская была девочка. Она такая была хорошенькая. По-немецки хорошо говорила. И она с немцем познакомилась. У него была большая семья, но братья его были на фронте. Он жил с отцом. И он на ней женился. Столько сует было. Мы выезжали оттуда, а она была беременная. А его на фронт забрали за то, что он на ней женился. Я не знаю ее судьбу. Это в Зальцведеде было.

- *В Зальцведеде Вы были два года?*

- Там мы были, наверно, до года, а остальное в Бад-Лаутерберге. И там, и там был военный завод.

- *А что Вы делали на заводе?*

- У меня была такая работа – большой станок, туда гильзы и патроны засыпаешь. А потом прислали какие-то патроны для пулеметов. Вонь чем-то были смазаны, скользкие были. Мы перебирали и отмывали их. Нам дурно становилось.

- *А в Бад-Лаутерберге?*

- То же самое.

- *А было свободное время? Что можно было в воскресенье делать?*

- Себя в порядок приведешь, постираешь...

- *А спецодежду вам выдавали?*
- Нет, но когда видели, шо свое дорывалось, то кофточку давали.
- *А кто руководил лагерем? Кто говорил, что надо делать, куда идти?*
- Немцы ж назначали тоже русского чи украинца.
- *А была старшая по бараку?*
- Дежурный какой-то был.
- *А песни вы пели, сочиняли?*
- Ой, сколько было песен. Сочиняли и плакали. Много было. Не записывали мы.

(51:24 – 54-45) Фотографії

- *Как звали Вашего папу? А маму?*
- Безуглый Иван Филиппович и Безуглая Анастасия Семеновна.
- *А родились вы где?*
- Село Маково, Шосткинский район. Родилась 25-ого июня 1925-ого года.
- *А как звали братьев, сестру?*
- Я сама старша. Потом - Катерина Ивановна 27-го года. В Германию ее не забрали. Петр Иванович 37-ого года. И Анатолий Иванович 40-ого года.
- *В каком году Вы замуж вышли?*
- В 49-ом.
- *А почему Вы пошли с парикмахерской на завод?*
- На заводе больше заработок.
- *В каком году Вы вышли на пенсию?*
- В 70-ом.